

Поиски национальной идентичности в современной России (об актуальности некоторых идей Н.А. Бердяева)

© С.Е. Крючкова¹, А.В. Чернышева²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, 125993, Россия

²МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследованы теоретические поиски новой российской национальной идентичности (НИ) в условиях глобализации. Показано, что сегодня национализм все чаще выступает как предмет анализа для представителей социогуманитарных дисциплин, поэтому проблема формирования российской НИ рассмотрена не только в аспекте политических практик и деклараций политиков, но и в ее философско-методологических основах. Подвергнут критике подход, согласно которому НИ сводится к ее гражданско-политической составляющей. Обоснована модель двухуровневой структуры НИ, где базовым уровнем выступает культурно-этническая идентичность, над которой затем надстраивается гражданско-политическая. Показана важность учета в условиях многонационального состава населения России этнической составляющей. Предпринята попытка обращения к идейному наследию Н. Бердяева, отставившего приоритетное значение «географии русской души» в процессе воспроизводства русской цивилизационной идентичности. Обосновано, что почти забытая обществоведами отечественная традиция изучения национализма содержит актуальный эвристический потенциал, который может быть использован при разработке теоретической модели новой российской национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, русская душа, культурно-этническая идентификация, гражданская идентичность

Неизбежность поступательного утверждения многополярного мироустройства заставляет по-новому посмотреть на проблемы глобализации [1]. Сегодня весьма ярко проявляется ее двоякая природа: с одной стороны, все бóльшая интеграция в экономико-технологической и информационно-коммуникативной сферах, а с другой — нарастающее стремление отдельных государств сохранить свою НИ. Появился даже феномен так называемой протеевской идентичности [2] — изменчивой социальной идентификации, когда в глобализирующемся мире индивид, считая себя «гражданином мира», одновременно манифестирует себя как представителя определенной нации.

Если сегодня в политическом плане важной задачей является защита национальных интересов России, то в научном дискурсе актуализируется поиск модели российской НИ. Споры о ней оказались весьма острыми в условиях отказа как от советского варианта НИ (многонациональный советский народ как модель наднациональной идентичности) и утрате коллективных опор в виде общепризнанных

идеалов и ценностей, так и от постсоветских либеральных моделей [3, с. 36, 37]. Последние фокусируются на принципе «со-гражданства», подчиняющем «этничность как антропологическую и социальную характеристику либеральной системе ценностей с ее доминирующей идеей прав человека в широком культурно-цивилизационном смысле (приоритет ценности прав человека, равенства перед законом, гражданского общества и т. д.) и одновременно игнорирующем сохраняющийся в массовом сознании глубинный пласт этно-культурной идентичности, того, что русский философ Н. Бердяев называл “географией русской души”» [4]. И это в условиях, когда социологические исследования показывают значимое присутствие этнического фактора в структуре представленных идентификаций, при этом квалификация его важнее гражданско-политического фактора [5, с. 79–83].

Ведущийся в условиях «кризиса идентичностей» поиск ответов на вопросы, кто мы такие, чему принадлежим [6, с. 35] и какой должна быть новая форма российской идентификации (в противоположность глобалистской «квазиидентичности») [7, с. 60], имеет первостепенное значение и в прагматическом аспекте, так как НИ (и основанный на ней рост национального самосознания) является не только важным условием формирования духовно-культурных основ общества, но и значимым мобилизационным ресурсом в многонациональной стране, которой является Россия. «Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов» [8, с. 17]. А «несформированность национальной идентичности — серьезная угроза современному обществу и государству, ибо может привести не только к разрушению системы национальных ценностей, но и установлению анархии, развитию неконтролируемых процессов на любых уровнях социальной жизнедеятельности» [9, с. 654].

Сегодня в условиях провала европейской политики мультикультурализма и нарастающего разочарования в так называемой счастливой глобализации (как проекте единого культурно однородного человечества), парадоксальным образом в самом центре Европы, как отмечает директор Центра международных исследований в Париже (CERI) А. Дикхофф, национализм (как НИ) не только возрождается, но и проявляется с новой силой [10, с. 78, 79]. В условиях роста дистанционного национализма на авансцену выходит процесс «дифференциации наций в наступающем многополярном измерении, а государство воспринимается как скрепляющая основа особой культурно-политической идентичности» [1, с. 36].

Сам термин НИ сегодня так часто (и расширительно) используется в разных контекстах и разными политическими акторами, что порой он теряет смысл как научное понятие. Эта «частая и настойчивая, к месту и не к месту апелляция к идентичности публичных политиков и публичных интеллектуалов сопровождается размыванием содержания

самого понятия. Неясности в понимании идентичности добавляют и средства массовой информации. Это и понятно: смысловая неопределенность дает, по существу, неограниченные возможности использовать потребность индивида в принадлежности к сообществу близких по духу и ценностям людей в целях политического манипулирования и мобилизации» [11, с. 11]. НИ — процесс идентификации человека с нацией (самокатегоризация), результат осознания личностью себя как «носителя национальных качеств и участника общенациональной жизни» [9, с. 653], вызывающий желание действовать в соответствии с этим.

Однако помимо широкого словоупотребления, размывающего его содержание, есть и другая трудность его философско-методологического исследования, а именно отсутствие конвенций относительно того, что обозначает само понятие «нация», так как ни одно определение нации не является общепризнанным [12, с. 32]. Множество теоретических трактовок нации (этнос, культурное сообщество, гражданско-политическая общность, «воображаемое сообщество» [13]) можно свести к двум основным подходам: примордиализм и конструктивизм (Б. Андерсон). Представители первого (П. Берг, К. Гирц, Ф. Барт) понимают под нацией этничность как изначальную и естественную общность по крови (расовые и биологические детерминанты), которую, в отличие от гражданства, не выбирают. Внутри этого подхода сегодня выделяют эволюционно-историческое течение (Э. Смит, У. Коннор), рассматривающее этнос более широко — как результат сложившихся определенных социально-исторических условий, таких как культура, язык, территория, религия и т. п. «Это свойство межпоколенной совокупности людей, проживающих на определенной территории, объединенных общими чертами, особенностями культуры (включая язык), самосознанием и самоназванием» [14, с. 57, 58].

Представители социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман), доминирующего в современном научном дискурсе, полагают, что этничность есть не что иное, как дискурсивный конструкт, который, как и история, создается различными элитами с помощью так называемой политики идентичности. При этом из множества объективных этнических признаков составляется некий якобы общепризнанный набор, часто отвечающий узкокорыстным политическим целям, в задачу которого входит мобилизация групп людей на те или иные массовые действия, часто под маскирующими лозунгами справедливости, свободы, человеческого достоинства и т. п. [15, с. 105, 106]. Есть еще одна претендующая на самостоятельность методологическая линия — инструментализм (П. Брасс, К. Верди, А. Коэн), акцентирующий внимание на функциональной природе этноса в системе групповых социальных взаимодействий, в частности, на культурных символах, с помощью которых элиты достигают своих целей (власти, богатства, контроля над

ресурсами), однако инструментализм во всех своих пресуппозициях не отличается от конструктивизма.

Яростная полемика между этими подходами, ни один из которых, взятый в отдельности, не является продуктивным для объяснения специфики российской идентичности, исторически традиционно обеспеченной сильной наднациональной государственностью и межконфессиональным диалогом, актуализирует поиски новых методологических подходов. В этих условиях продуктивной стратегией может оказаться не только обращение к опыту советской идентичности, когда «граждане отождествляли себя не столько с представителями данной республики, сколько с советским народом в целом» [3, с. 18], но и переосмысление в современном социальном контексте отечественной историко-философской традиции исследования проблемы НИ, представленной методологической дихотомией Восток — Запад, начало которой было положено известным спором западников и славянофилов, в свое время уже поставивших под сомнение универсальность западноевропейского цивилизационного самосознания и показавших ограниченность методологических попыток «втиснуть» нарратив российской цивилизации в концептуальные рамки европейской детерминированности.

Идеи русских философов, таких как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев, И.А. Ильин и др., высказывавшихся по проблемам нации и национализма, приобретают сегодня особую значимость в ситуации, когда современная российская НИ трактуется по преимуществу (в ряде официальных документов) как гражданско-политическая (юридическая) общность. Нация здесь выступает как нормативно-правовая категория, обозначающая «со-гражданство» с общей исторической памятью [16, с. 68], что вызывает ряд вопросов у представителей социально-гуманитарных наук и явно диссонирует, как показывают социальные опросы, с существующим в массовом сознании россиян представлением о нации, понимаемой прежде всего как этническое сообщество. Учитывая, что современное российское общество является пространством перманентно изменяющихся идентичностей, а также тот факт, что представлений массового сознания о подлинном национальном единстве нельзя достичь лишь формальными декларациями и выводами, к которым приходят исследователи на тематических конференциях и в своих научных статьях, посвященных путям развития России, наиболее интересными и созвучными эпохе представляются идеи Н.А. Бердяева, изложенные им в работах «Философия неравенства», «Судьба России», «Царство Духа и царство Кесаря», «Русская идея», «Душа России», «О современном национализме» и др.

Рассматривая в «Русской идее» существо русской самобытности, философ считает ее ядром общинность («коммунотарность»), не зависящую от исторически конкретных форм экономической и политической жизни. Эта разновидность коллективизма носит метафизический

и мистический характер, так как она вышла из недр народной жизни. Именно ее пытались философски осмыслить славянофилы, которым «всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической» [17, с. 298]. Критикуя различные формы западной русофобии, Н.А. Бердяев, несмотря на острое осуждение социалистического выбора в России, сходится с ними в неприятии индивидуализма, а также в патриотической позиции по отношению к Родине.

Своеобразный стиль философствования, широкий кругозор, яркие афоризмы и исторические параллели позволили Н.А. Бердяеву выразить свое понимание «загадочной» противоречивости России как страны «безграничной свободы духа, странничества и искания Божьей правды» [17, с. 302], «ухватить» саму сущность уникальной русской души с ее вечными антиномиями, когда рядом со свободой, революционностью и предприимчивостью спокойно уживаются поработченность, консерватизм и лень. Это нашло отражение в оппозициях («тезисах и антитезисах») русской идеи, суть которой, по мнению философа, составляет религиозный мессианизм.

В споре о природе нации (этническое vs политическое сообщество) философ склоняется к примордиалистской трактовке, полагая, что она есть изначальный субъект исторического процесса: что хотя «нации — исторические образования, но заложены они уже в глубине природы, в глубине бытия» [18, с. 554]. Поэтому с помощью научного анализа трудно перечислить признаки, которые нужно включать в дефиницию термина «нация», так как существование нации «не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия» [18, с. 552]. Поэтому наука здесь бессильна: уловить сущность национальной «самости», которая является воплощением воли Бога, разгадать ее загадку можно лишь с помощью интуиции, в основе которой должно лежать религиозное сознание. «Бытие всякой нации имеет религиозную основу» [18, с. 564], ибо она — «мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса» [18, с. 554], стремящийся к «победе над смертью», что возможно лишь в случае неразрывной связи с предками. Поэтому даже если взять лежащий на поверхности признак единства исторической судьбы, при котором будущее не торжествует над прошлым, то, полагает философ, само это единство есть не что иное, как «иррациональная тайна» русской идеи и русского национального самосознания [18, с. 552], которую нельзя разгадать рациональным способом.

Каждая нация имеет свое «божественное задание» в истории. Русская национальная самобытность проявляется в русской душе, которая «в лучшей, героической своей части стремилась к абсолютной свободе и правде, неместимой ни в какую государственность» [17, с. 298].

Мощное Российское государство, как колосс, превращающий все в свое орудие и не оставляющий, по мнению философа, сил для свободной творческой жизни, во все времена было лишь внешним принципом для русского народа [17, с. 299] с его «всечеловеческим духом» и наднациональными идеалами. В размышлениях о НИ философ склонен к антропоморфизации такой надличностной структуры, как государство, при рассмотрении сложного взаимодействия этноса и нации.

Бердяев в своих рассуждениях о национальной идентичности резко выступает против национализма новейшей формации, предъявленного русскому обществу в лице представителя консервативного западничества И. Каткова, «апологета и раба» чуждой России западной государственности с ее гражданско-политической идентичностью. «Национален в России, — пишет он, — именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма, в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира» [17, с. 300]. Свидетельство этому — распространенная оценка агрессивного национализма как явления «наносного», пропитанного чуждым духом «немецчины». Бердяев отказывается от традиционной для осмысления проблемы НИ методологической оппозиции «Запад — Восток», считая Россию «соединителем двух миров», чье мессианское сознание в силу своей универсальности глубоко противоположно национализму в любой его форме. Бердяев выделяет *стихийный* национализм (который порицает), идеализирующий самодовольство народа и проповедующий исключительность, враждебность к другим нациям, и более высокий — *творческий*, основанный на уважении к другим нациям, несущий «свет в темные недра национальной жизни». Его цель — саморазвитие («максимум силы и цветения»), раскрытие своей роли в истории.

В основе такого национализма лежит не только этническая общность, но и духовная близость людей. В этом он противоположен либеральной модели идентичности, где коллективность (национальная общность) образуется с помощью организации и порядка, а также абстрактных экономических и социологических категорий. Несмотря на то что всякая нация инстинктивно стремится образовать и укрепить свое государство, последнее не является для ее бытия определяющим началом. А вот государство, даже если оно многоплеменное, должно иметь национальную основу, какой для Российского государства явились русское ядро и русская идея. Без такого ядра для нации нет творческой жизни. Современный национализм теснейшим образом связан с государством, даже возрождение национальной культуры связывается в первую очередь с государственностью. Бердяев отстаивал культурное верховенство в национальном самосознании, так как только в этом случае нация как культурно-исторический факт выступает в качестве суперценности для национал-патриота, видящего в ней источник

собственной ценности, а в культурных артефактах — олицетворение ее духа [19, с. 79–84].

Таким образом, философ критически относится к идентичности на основе отвлеченных начал справедливости и равенства, к идеологии интернационализма, фундаментом которого является гражданско-политическое единство, и выступает за сохранение органического национального бытия. Выражаясь современным языком, он придерживается так называемого примордиалистского подхода (Э. Шилз, П. Берг, Э. Смит и др.) и отвергает конструктивистскую методологию, трактующую нации как «воображаемые», фиктивные образования, фантомные сообщества, а НИ как сконструированную с помощью отвлеченных эпистемологических начал идеальную модель. Сегодня такой подход к проблеме природы НИ является доминирующим, согласно ему этнос — не объективная социальная общность, а социально-политический конструкт, создаваемый политической элитой для достижения определенных целей (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Ф. Барт, Э. Хобсбаум и др.).

Вряд ли целесообразно сегодня противопоставлять эти два подхода, так как понимание этноса в качестве органической исторической общности людей с определенными языком, культурой, территорией должно сочетаться с осознанием этой общности (с помощью воображения, как это происходит в «заразительном» социальном конструктивизме), своего единства (даже метафорического) на основе исторической памяти, общности почвы и судьбы (даже для тех, кто по той или иной причине отлучен от этноса). Ведь любая социальная реальность, предстающая в виде совокупности идей и ценностей, содержит в себе элементы конструкции. Например, «культура, — по мнению Эрнеста Геллнера, — становится естественной социальной единицей и не может функционировать без собственной политической раковины — государства» [20, с. 289].

Решение проблемы национальной самоидентификации в международных политических практиках сегодня идет путем использования таких стратегий, как адаптация (описывается теорией «макдонализации» Дж. Ритцера), сопротивление (теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона) и «мягкое взаимодействие» (теория «гибридизации» Я. Петерса) [21, с. 263, 264]. При поиске ответа на вопрос «Кто мы?» в процессе формирования НИ России как страны с глубокими национальными корнями следует исходить из наличия в ее структуре двух относительно самостоятельных и одновременно взаимосвязанных уровней: *культурно-этнического*, который является базовым, так как присутствует в любой иной идентичности (индивидуальной, социальной, гендерной, конфессиональной, профессиональной, цифровой и др.) [22], и *гражданско-политического*. Важно отметить, что сегодня

этнос в неблагоприятных для них условиях «плавильного котла» глобализации обнаружили поразительную живучесть, отстаивая право на изменчивость своего жизненного контекста, и возможность формировать новые формы идентичности, что должно способствовать устранению прогрессистских иллюзий в отношении исчезновения этих констант человеческого существования.

Сложившаяся ситуация предполагает не просто отказ от теоретико-методологического противостояния «примордиализм — конструктивизм», но и реабилитацию незаслуженно дискредитированного современным социальным конструктивизмом примордиалистского подхода, основанного на признании этничности как устойчивого онтологического свойства. Очевидно, что не всякое обращение к ранней традиции уводит исследователей от истины. Ведь именно в силу своей укорененности в культуре этничность трудно поддается манипулированию со стороны политических элит и иногда выходит из-под контроля, о чем свидетельствуют периодически вспыхивающие межнациональные конфликты. Продуктивным методологическим средством, снимающим оппозиционность различных теоретических версий идентичности, а значит и способствующим разработке модели НИ, сегодня все чаще считают цивилизационный подход, идейная разработка которого давно велась в русской философской традиции [23].

Для России как многонационального государства вопросы эффективной национальной политики по-прежнему принадлежат к числу приоритетных, так как они являются важным условием сохранения целостности государства. Поэтому учет этнической составляющей НИ весьма важен при разработке взвешенной «политики идентичности», нацеленной на интеграцию населения государства в единое сообщество с помощью социально-культурных кодов («мы — россияне»), социальной памяти об общей исторической судьбе, а также новой аксиологической реальности. Это позволит не допускать проявлений этнического сепаратизма и дискриминации Других, а также развития изоляционистских вариантов той или иной групповой идентичности [24]. Таким образом, политика по формированию НИ должна быть основана не только на декларируемой приверженности идее политического гражданства, включающей институционально оформленные представления о Родине и государственности, но и на учете этнической принадлежности жителей России [25], тем более что, согласно данным многочисленных социологических опросов, в начале XXI столетия ее позиционировали как важную социальную характеристику около 85 % граждан России [26].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Спиридонова В.И. Императив возврата к национальной идентичности как фундамент полицентричного мира. *Век глобализации*, 2020, № 2, с. 33–44.

- [2] Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей. *Вопросы философии*, 2010, № 2, с. 13–22.
- [3] Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. *Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе*. Москва, Институт наследия, 2017, 224 с.
- [4] Бердяев Н.А. *Судьба России*. Москва, Философское общество, 1990, 251 с.
- [5] Горшков М.К., Тихонова Н.Е., ред. *Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа*. Москва, Наука, 2005, 396 с.
- [6] Хантингтон С. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва, АСТ, 2008, 640 с.
- [7] Щипков А.В. Трансформация идентичности и реабилитация идеологии в условиях нарастания мирового кризиса. *Вопросы философии*, 2023, № 9, с. 60–70.
- [8] Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Москва, АСТ, 2003, 605 с.
- [9] Швецова А.В. Национальная идентичность как социокультурный феномен. *Обсерватория культуры*, 2017, т. 14, № 6, с. 653–661.
- [10] Dieckhoff A., Jaffrelot C. Vers un monde postnational? *Critique internationale*, 2004, no. 2, pp. 78, 79. URL: <https://shs.cairn.info/revue-critique-internationale-2004-2-page-78?lang=fr> (дата обращения 14.01.2025).
- [11] Семененко И.С. Идентичность в мейнстриме политической науки и в фокусе публичной политики. *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Москва, Весь Мир, 2023, 512 с.
- [12] Калхун К. *Национализм*. Москва, Территория будущего, 2006, 288 с.
- [13] Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. Москва, Кучково поле, 2001, 288 с.
- [14] Бромлей Ю.В. *Очерки теории этноса*. Москва, Наука, 1983, 412 с.
- [15] Лурье С.В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика. *Общественные науки и современность*, 1999, № 4, с. 101–111.
- [16] Тишков В.А. *Нация наций: о подходах к пониманию России*. Москва, ИЭА РАН, 2023, 69 с.
- [17] Бердяев Н.А. Душа России. В сб.: *Русская идея*. Москва, Республика, 1992, с. 295–312.
- [18] Бердяев Н.А. Философия неравенства. В кн.: *Судьба России*. Москва, ЭКСМО-Пресс, 1998, с. 477–726.
- [19] Чернышева А.В. *Проблемы культуры в русской философии: От П.Я. Чаадаева до наших дней*. Москва, Издательство МГОУ, 2008, 260 с.
- [20] Геллнер Э. *Нации и национализм*. Москва, Прогресс, 1991, 320 с.
- [21] Федотова В.Г. *Хорошее общество*. Москва, Прогресс-традиция, 2005, 544 с.
- [22] Храпов С.А., Крючкова С.Е., Меликов И.М. Цифровая идентичность и гуманистическая модель цифровой образовательной среды. *Вопросы философии*, 2024, № 7, с. 29–39.
- [23] Шемякин Я.Г. Этнические конфликты: цивилизационный ракурс. *Общественные науки и современность*, 1998, № 4, с. 49–60.
- [24] Романова А.П., Якушенков С.Н. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях. *Вопросы философии*, 2013, № 2, с. 49–55.
- [25] Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 12.09.2024).
- [26] Петухов В.В., Горшков М.К., Крумм Р., ред. *Двадцать лет реформ глазами россиян. Опыт многолетних социологических замеров: аналитический доклад*. Москва, Весь Мир, 2011, 326 с.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крючкова С.Е., Чернышева А.В. Поиски национальной идентичности в современной России (об актуальности некоторых идей Н.А. Бердяева). *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 1. EDN MDOXHK

Крючкова Светлана Евгеньевна — д-р филос. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ.
e-mail: SEKryuchkova@fa.ru

Чернышева Анна Владимировна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Социология и культурология» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: chernysheva@bmstu.ru

N.A. Berdyaev and the search for national identity in contemporary Russia

© C.E. Kryuchkova¹, A.V. Chernysheva²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125993, Russia

² Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper analyzes theoretical search for a new Russian national identity (NI) in the context of globalization. It shows that today nationalism increasingly appears as a subject of analysis for representatives of the social and humanitarian disciplines. Therefore, the problem of the Russian NI formation is considered not only in the aspect of political practices and declarations by the politicians, but also in its philosophical and methodological foundations. The paper criticizes an approach, according to which NI is reduced to its civil-political component. It substantiates a model of the NI two-level structure, where cultural-ethnic identity is the basic level, over which the civil-political level is constructed further. Importance of taking into account the ethnic component in the context of the Russian population multinational composition is demonstrated. An attempt is made to turn to ideological heritage of N. Berdyaev, who defended the priority significance of the "Russian soul geography" in the process of reproducing the Russian civilizational identity. The paper substantiates that the domestic tradition of studying nationalism is almost forgotten by the social scientists, but it contains a relevant heuristic potential that could be used in developing a theoretical model of the new Russian national identity.

Keywords: national identity, Russian soul, cultural-ethnic identification, civil identity

REFERENCES

- [1] Spiridonova V.I. Imperativ vozvrata k natsionalnoy identichnosti kak fundament politsentrichnogo mira [The imperative of a return to national identity as a basis for the polycentric world]. *Vek globalizatsii — Age of Globalization*, 2020, no. 2, pp. 33–44.
- [2] Trufanova E.O. Chelovek v labirinte identichnostey [Person in the labyrinth of identities]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2010, no. 2, pp. 13–22.
- [3] Bepalova T.V., Rastorguev V.N. *Patriotizm i russkaya tsivilizatsionnaya identichnost v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Patriotism and Russian civilizational identity in the contemporary Russian society]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2017, 224 p.
- [4] Berdyaev N.A. *Sudba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow, Filosofskoe Obschestvo Publ., 1990, 251 p.
- [5] Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., ed. *Rossiyskaya identichnost v usloviyakh transformatsii: Opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian identity in the context of transformation: An experience of sociological analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 396 p.
- [6] Huntington S. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. Simon & Schuster, 2004 [In Russ.: Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsionalnoy identichnosti. Moscow, AST Publ., 2008, 640 p.].

- [7] Shchipkov A.V. Transformatsiya identichnosti i reabilitatsiya ideologii v usloviyakh narastaniya mirovogo krizisa [Transformation of identity and rehabilitation of ideology in the conditions of growing global crisis]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2023, no. 9, pp. 60–70.
- [8] Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Simon & Schuster, 1996 [In Russ.: Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. Moscow, AST Publ., 2003, 605 p.].
- [9] Shvetsova A.V. Natsionalnaya identichnost kak sotsiokulturnyi fenomen [National identity as a socio-cultural phenomenon]. *Observatoriya kulturey — Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 6, pp. 653–661.
- [10] Dieckhoff A., Jaffrelot C. Vers un monde postnational? *Critique internationale*, 2004, no. 2, pp. 78–79. Available at: <https://www.cairn.info/revue-critique-internationale-2004-2-page78.htm> (accessed January 14, 2020).
- [11] Semenenko I.S. Identichnost v meynstrime politicheskoy nauki i v fokuse publichnoy politiki [Identity in the mainstream of political science and in the focus of public policy]. In: *Identichnost: lichnost, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field]. Moscow, Ves Mir Publ., 2023, 512 p.
- [12] Calhoun Cr. *Nationalism*. University of Minnesota Press, 1997 [In Russ.: Kalkhun K. Natsionalizm. Moscow, Territoriya Budushchego Publ., 2006, 288 p.].
- [13] Anderson B. *Imagined communities*. Verso Books, 1983 [In Russ.: Anderson B. Vobrazhaemye soobshchestva. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2001, 288 p.].
- [14] Bromley Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 412 p.
- [15] Lurye S.V. Natsionalizm, etnichnost, kultura. Kategorii nauki i istoricheskaya praktika [Nationalism, ethnicity, culture. Categories of science and historical practice]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost — Social Sciences and Contemporary World*, 1999, no. 4, pp. 101–111.
- [16] Tishkov V.A. *Natsiya natsiy: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii* [Nation of nations: on approaches to understanding Russia]. Moscow, IEA RAN Publ., 2023, 69 p.
- [17] Berdyaev N.A. *Dusha Rossii* [Soul of Russia]. *Russkaya ideya — Russian Idea*. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 295–312.
- [18] Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. *Sudba Rossii* [Fate of Russia]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1998, pp. 477–726.
- [19] Chernysheva A.V. *Problemy kulturey v russkoy filosofii: Ot P.Ya. Chaadaeva do nashikh dney* [Problems of culture in Russian philosophy: from P.Ya. Chaadaev to the present day]. Moscow, MGOU Publ., 2008, 260 p.
- [20] Gellner E. *Nations and nationalism*. Ithaca, 1983 [In Russ.: Gellner E. Natsii i natsionalizm. Moscow, Progress Publ., 1991, 320 p.].
- [21] Fedotova V.G. *Khoroshee obshchestvo* [Good society]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005, 544 p.
- [22] Khrapov S.A., Kryuchkova S.E., Melikov I.M. Tsifrovaya identichnost i gumanisticheskaya model tsifrovoy obrazovatel'noy sredy [Digital identity and the humanistic model of digital educational environment]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2024, no. 7, pp. 29–39.
- [23] Shemyakin Ya.G. Etnicheskie konflikty: tsivilizatsionnyi rakurs [Ethnic conflicts: a civilizational view]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost — Social Sciences and Contemporary World*, 1998, no. 4, pp. 49–60.
- [24] Romanova A.P., Yakushenkov S.N. Chuzhoy kak obyektivnaya realnost, dannaya nam v oshchushcheniyakh i razmyshleniyakh [Alien as objective reality given to us in sensations and thoughts]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy*, 2013, no. 2, pp. 49–55.

- [25] *Ukaz Prezidenta RF No. 809 ot 09.11.2022g. "Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh duhovno-nravstvennykh tsennostey"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed September 12, 2024).
- [26] Petukhov V.V., Gorshkov M.K., Krumm R. *Dvadsat let reform glazami rossiyan. Opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov: analiticheskiy doklad* [Twenty years of reforms through the eyes of Russians. Experience of long-term sociological measurements: analytical report]. Moscow, Ves Mir Publ., 2011, 326 p.

Kryuchkova S.E., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University).
e-mail: SEKryuchkova@fa.ru

Chernysheva A.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University.
e-mail: chernysheva@bmstu.ru